

**ОБЯДОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ
ПОКАЯННОЙ ДИСЦИПЛИНЫ
ДРЕВНЕЙ РУСИ***

Уклад церковной жизни в Древней Руси во многом отличался от современного и содержал во всей полноте черты глубокой христианской древности. Соблюдение церковного устава, церковных традиций находилось на должной высоте во всех слоях общества. В частности, неотъемлемой чертой русского народа было обязательное исполнение постов. Ярче всего это проявлялось в дни святой Четырехдесятницы. Пощение в этот период было обставлено особенно строгой системой требований, обрядов и обычаев, которые охватывали всю духовную жизнь верующего. Отчасти это отношение к обрядовой стороне живо в народе и донныне. Однако ревность и строгость, которая существовала в то время, сейчас значительно ослабела. Ведь в сердцах древнерусских христиан горел немерцающий огонь любви к исполнению всех обычаев и уставов церковных. Особая строгость соблюдалась верующими во время приготовления к принятию Святых Тайн. Созиданию и поддержанию такой благотворной духовной атмосферы в жизни народа в значительной мере способствовали различные церковные книги. Так, например, появились сборники поучений, приуроченных к дням Великого поста и недель приготовления к принятию Святых Тайн. Многие из них были взяты из "Златоустуя" — весьма известной книги Древней Руси, содержащей в себе 136 статей, выбранных из творений св. Иоанна Златоуста. "Златоустуя" был составлен в Болгарии при царе Симеоне и предназначался лишь для домашнего употребления. Более распространенным в Древней Руси был сборник нравоучительного содержания "Златоуст", получивший свое название от автора проповедей, из которых был составлен, — от св. Иоанна Златоуста. Различие названных двух сборников в том, что в "Златоусте" нравоучительные статьи подобраны и расположены в порядке годичного церковного круга, по неделям, начиная с Недели мытаря и фарисея, и предназначался он не только для домашнего употребления, но и для чтения в церкви за богослужением. Иногда этот сборник содержал собрание проповедей лишь на Великий пост, оканчиваясь Словом св. Иоанна Златоуста на первый день Пасхи, тогда он назывался "постным Златоустом".

Посредством поучений, находящихся в "Златоусте", Церковь призвала всех говеющих не только раскаяться в своих грехах и больше к ним не возвращаться, но и принести обильный плод добрых дел. В одном из таких поучений чада церковные призываются к полному нравственному перерождению: "Того ради и сия дни постные на очищение грехов наших

*Примечания к этой статье см. на стр. 495—498.

положи, да елико есмы во все лето согрешили, то сими деньми постными да очистимся, труждающе телеса своя постом и бдением и молитвами к Богу приближающеся, слезами омывающе своя грехи и милостынями двери Царствия Небеснаго отверзающе, мир и любовь между собою имеюще". И далее в поучении говорится: "И приходящая посты честно и чисто держите и прилежно препровожайте покаянием, исповеданием и слезами и теплою и горящею верою, и теплым воздыханием и милостынею и любовь стяжите еже друг к другу"¹.

Проповедники придавали посту большое значение. "Пост душу очищает, и тело просвещает, и на небо возводит, и ангелам равна творит, и к Богу приближает, и в рай святыи вводит"². Однако пост непременно должен соединяться с добрыми делами. "Пост без добрых дел неприятен есть". "Пост ничтоже не успеет без добрых дел". "Кий успех человеку алкати плотию, умирати же дель?" "Яко утел (т. е. дырявый) сосуд не присмлет воды, тако без добрых дел пост ничтоже есть". "Аще бо кто не пьет пития, ни мяса яст, а всяку злобу держит, то не пуще есть скота; всяк бо скот не яст мяса и пития не пьет. Аще ли кто на земле лежит, зло мыслит на друга, то ни тако хвалится, скот бо постели не требует, не постилающего имать"³. Из этих слов становится ясно, что "пост с добрыми делами, с добродетелями спасет человека", "не пост един избавляет от беды, но жития пременение"... "Аще постишися, рече, покажи дела добрая: убога видя — помилуй, с кем зло имеши — смиришь, никому же завиди, ни зла твори, блуда брезись, да не точию ти уста постятся, но и очима не уязвляйся на доброту чюжоу и уши отвращай от слышания неподобных, руце от грабления и лихоимства оцыщай, нозе от хождения на позоры (зрелища); не насытись зла дела; уста да поститесь от кашун и укор и срамных словес"⁴. Однако, хотя пост и не является основной добродетелью, все же он служит вернейшим условием к отрезвлению ума и сердца человека, очищает от скверны плотской и греховной.

Даже покаяние без поста напрасно есть. "Никтоже да не мнит без болезни очистить грехи, — говорит митрополит Киевский Никифор (1104—1121), — и без поста омыти скверны"⁵. "Оружие чистоты" — пост одухотворяет человека, возвышает его молитву, является самой удобной ее основой. "Пост на небо молитву посылает, аки криле ей бывающа к горнему шествию... Аще бо не сотвориши крилу молитве, не взлетит к Богу".

Великий пост христиане проводили очень строго, и поэтому предписаний о нем сохранилось гораздо больше, чем о других постах. Согласно древнецерковным указаниям, Великой пост признавался десятиной года, которую верующий посвящал своему Небесному Царю. Автор одного древнего поучения предлагает такой расчет дней Великого поста: пост продолжается семь недель, включая Страстную; из них первые шесть содержат по пять постных дней, ибо субботы и воскресенья Великого поста, согласно с церковными канонами⁶, не считались вполне постными днями; всего получалось тридцать дней. Последняя, Страстная седмица содержала шесть постных дней, ибо в Великую субботу полагался пост⁷. Получалось 36 дней — неполная десятая года. Чтобы она стала полной, предписывалось поститься в Великую субботу до "поздняго" — еще полдня. Всего Великий пост содержал 36 с половиной постных дней. По этому расчету он был точной десятиной года, но не

был четырехдесятницей. В Киево-Печерском монастыре был другой расчет, по которому Великий пост являлся точной четырехдесятницей, но не представлял точной десятины года. Преподобный Феодосий Печерский говорил братии перед началом Великого поста: "Се есть десятина даема от лета Богу... еже есть пост четырехдесятный, в няже дни очистившиися душа, празднует светло на Воскресенье Господне, веселящихся о Бозе"⁸. Сам же Преподобный на Великий пост затворялся в пещере и возвращался к братии в конце шестой недели, "в пяток на канун Лазарев, в сей бо день, объясняет летописец, кончается пост сорока дней"⁹. Очевидно, в Печерском монастыре великопостный период рассчитывали так: шесть седмиц считали сплошь постными, то есть до пятницы шестой недели. Страстная седмица не входила в счет поста.

В Великом посте большая часть седмиц и недель (воскресений) носили особенные календарные названия. Воскресенье перед Масляной неделей называлось "Мясное заговенье" (Мясопуст). Воскресенье после Масленицы носило название "Недели сыропустной". Саму Масленицу именовали "Сырной", "Масляной" или "Молочной неделей". Впервые название "масленица" встречается в XVI в. Первая седмица Великого поста именуется в летописях "чистой", "Федоровой". Воскресенье после этой недели носило название "Сбора", "Честного сбора", "Недели соборной". Это название происходило от того, что священники в этот день обыкновенно съезжались на ежегодный епархиальный собор к епископу. Четвертая неделя известна в летописях под именем "Средокрестной", "Средоговения"; пятая — под именем "Похвальной". Шестая носила название "Вербницы", "Цветной", "Цветоносной".

Наступал Великий пост, но не сразу стихал разгул масленичного веселья. Об этом свидетельствует послание митрополита Фотия (XV в.), который пишет: "Да еще слышанье мое, что заговев великий святыи пост, еже есть Божие одесятование всего лета, и прости де люди бой и шум сотворяют и зрелища безчинная, еже суть Богу мерзкая и ненавидима"¹⁰.

Но постепенно языческий разгул уступал место покаянной молитве. Как иноки, так и миряне в "Прощеное воскресенье" в торжественной церковной обстановке прощали друг другу все согрешения. Этот день носил название "Прощенного дня" или "Целовальника". Народный обычай прощения в Древней Руси заключался в том, что после вечерней молитвы младшие члены дома с земными поклонами просили прощения у старших; старшие, в свою очередь, испрашивая прощения у них, кланялись в пояс. Христиане ходили "прощаться" со знакомыми, со священниками — своими духовными отцами. Они посещали могилы, "прощаясь" с умершими родственниками, и сокрушались о тех, которые умерли без покаяния в этом году. В начале XVII века о чине прощения француз Маржерет пишет: "На масленице россияне... посещают друг друга, целуются, прощаются, мирятся, если оскорбили один другого словом или делом; встречаясь даже на улице, — хотя бы никогда прежде не видались, — целуются, приговаривая: "прости меня, пожалуй"; другой отвечает: "Бог тебя простит"¹¹. При дворе московских государей обряд "прощения" развился в сложную и торжественную церемонию. С середины Масленой недели царь объезжал московские монастыри, "прощаясь" с братией, а иногда ездил и в Троице-Сергиеву Лавру. Затем прощался со своими домочадцами и приближенными двора. В само

воскресенье, после обедни, патриарх посещал государя, и во дворце совершался обряд "Прощения" со всеми дворовыми чинами. А вечером в Прощенное воскресенье этот чин прощения совершался в Успенском соборе. Здесь пели прощальные песнопения и произносилось глубоко-покаянное слово патриарха. Затем государь шествовал в Чудов и Воскресенский монастыри, а также в Архангельский и Благовещенский соборы, где просил прощения у гробов своих родителей. В этот день русские цари отпускали на свободу многих колодников, то есть заключенных.

Обычай прощения берет свое начало в глубокой древности. Он перешел к нам на Русь из восточных монастырей, о чем упоминается еще в Житии преподобной Марии Египетской.

Обряд прощения совершался во всех русских монастырях. Так, в Киево-Печерском монастыре преподобный Феодосий вечером в этот день произносил назидательное поучение братии: "Постное бо время очищает ум человеку... постом апостола искорениша бесовскую лесть; постом явишася отцы наши, аки светила в мире... им же и мы поревнуем, братие"¹². Затем, "целовав их"¹³, удалялся в затвор на весь Великий пост.

Обычай мирян посещать своих духовников в начале Великого поста также возник в глубокой древности.

Дисциплинарная сторона великого говения, зафиксированная впоследствии уставами, была далеко не единообразна. Три главных устава определяли обрядовую жизнь Восточной Церкви, как-то: Студийский — преп. Феодора Студита, который был в какой-то мере снисходительным; Иерусалимский, или преподобного Саввы Освященного, отличавшийся наибольшей строгостью; Афонский — преп. Афанасия, своим содержанием напоминавший Студийский.

В Русской Церкви имели определяющее значение особенно два первых устава: сначала — Студийский, затем — Иерусалимский. Замена одного устава другим происходила постепенно, с XIII столетия до XV. Это обстоятельство внесло разнообразие в практику говения русского народа. Русские монастыри, по примеру греческих, пользовались правом придерживаться того или иного устава.

Русская Церковь, первоначально принявшая Студийский устав, а потом Иерусалимский, шла от снисходительного поста к более строгому. Преподобный Феодор Студит цель поста полагал не в измождении только тела, но и в воздержании всех чувств, то есть в созидании гармонического соотношения между душой и телом. Поэтому он не возводил в правило невкушение пищи в течение нескольких дней и не требовал строгого различия между постными и мясоедными периодами. Главное значение в посте преподобный Феодор придавал времени принятия пищи и ее количеству. Вот это и было характерной чертой Студийского устава.

После кончины преподобного Феодора его рукописный устав хранился в Студийском монастыре. Затем Константинопольский патриарх Алексей расширил его и внес в него свои дополнения. Таким образом появилось два устава или, точнее, две редакции устава, которые в подробностях имеют некоторые разногласия. В Студийском уставе относительно принятия пищи в Великом посту имеются подробные указания. Так, например, он предписывает вкушать ее в 9-м часу (в 3-м часу пополудни) и притом один раз в день, а в праздники, субботы и вос-

кресенья — два раза. Наиболее строгий пост соблюдался в первую и третью (Крестопоклонную) недели; разрешалось лишь сухоядение. В пищу употреблялись сушеные и неразваренные плоды, притом без масла. Вино принимать запрещалось, вместо него пили так называемое "благосмешение" из перца, тмина и аниса. По уставу патриарха Алексия, разрешалась "ривлонная уха", которая составлялась из укропа и перца. Эта пища была для всех, за исключением больных и старых, которым давалась одна чаша вина. В пятницу, накануне памяти вмч. Феодора Тирона, предписывалось ослабление поста, а в самый день его памяти дозволялась праздничная трапеза. В прочие недели разрешалась горячая пища с маслом, уксусом и медом. Только среды и пятницы всех недель проводились в сухоядении, как и вся первая неделя. Страстная седмица проводилась как первая, за исключением Великого четверга и Великой субботы, для которых предписан свой устав. По уставу патриарха Алексия, каждый день Страстной седмицы имеет свой рацион, и притом довольно снисходительный. Так, например, сухоядение предписывалось только в Великий понедельник, в пятницу разрешалось сочиво с уксусом, в остальные дни Страстной седмицы употреблялось в пищу вино и масло. В Великую субботу, согласно редакции устава Студийского монастыря, в 5 часов пополудни полагалось разговение: иноки вкушали сыр, яйца и испивали по три чаши вина. Однако следует отметить, что в древнейших славянских уставах эта статья исправлена. В субботние и воскресные дни каждой недели Великого поста уставом разрешалось вкушать дважды и пить вино во время обеда и ужина. В уставе патриарха Алексия можно заметить, что он разрешает употребление вина Великим постом гораздо чаще, чем монастырская редакция. В праздник Благовещения, по Студийскому уставу, разрешалась рыба и вино, а согласно уставу патриарха Алексия такое разрешение распространялось и на другие праздничные дни, как-то: 9 марта — 40 мучеников, 24 февраля — св. Иоанна Предтечи, 17 марта — св. Алексия человека Божия, Лазареву субботу и в Благовещение¹⁴.

Русские иноки Древней Руси с доскональной точностью исполняли предписания Студийского устава относительно Великого поста. Для мирян же было некоторое послабление. Они принимали пищу однажды в полдень, кроме суббот и воскресений. В первую неделю вместо вина пили по одной чаше кваса. Однако, по предписанию митрополита Климента Смолятича (XII в.)¹⁵, полагалось и для мирян сухоядение, то есть хлеб с капустой, редька, горох, в первую неделю поста, а также в остальные недели до Вербного воскресенья — по понедельникам, средам и пятницам. По вторникам и четвергам им разрешалось вкушать "горох и яглы" (род мха), икру, которая тем же митрополитом разрешалась мирянам во весь пост, пить мед пресный и житный квас. На Страстной седмице в понедельник и среду — хлеб и капуста, во вторник и четверг предписывалось вкушать "горох и яглы", в Великий пяток только сочиво. В Великую субботу вареная пища запрещалась, но разрешалось вечером "мало есть и пить" (сухоядение).

В праздники (Благовещения, 40 мучеников, обретения главы св. Иоанна Предтечи, св. Алексия человека Божия, праведного Лазаря) мирянам разрешалось вкушать рыбу дважды в день, а митрополитом Климентом дозволялось вкушение рыбы только один раз¹⁶. Больным "вельми" и ма-

терям-родильницам рыба разрешалась, кроме среды и пятницы, во все недели поста.

Но более всего некоторые маловерные русские люди тяготились за-
прещением винопития в седмичные дни Великого поста. В поучении
митрополита Московского Петра (XIV в.) сказано: "А вы священники...
лишайтесь пьянства постом, а который священник начнет пити..., ино
быти ему без риз"¹⁷. По словам Святителя, духовенство должно быть
примером для пасомых, оберегать их от всего, что мешает шествовать
спасительным путем Христовым. А если пастыри будут упиваться вином,
то что же будет тогда с их пасомыми?..

Таковы требования Студийского устава относительно исполнения Ве-
ликого поста. Предписания устава Иерусалимского о том же посте
гораздо строже. Рыба разрешалась только в праздник Благовещения (ес-
ли он не совпадал со Страстной седмицей) и в Неделю ваий, а в празд-
ники обретения главы св. Иоанна Предтечи и свв. 40 мучеников не позво-
лялась не только рыба, но и растительное масло. В первую неделю
поста Иерусалимский устав, так же как и Студийский, предписывает ми-
рянам сухоядение (без масла) однажды в день, время принятия пищи —
9-й час (3-й пополудни). Эту первую неделю — с понедельника до сре-
ды — монахи должны проводить без пищи. В среду на трапезе разре-
шается хлеб с теплой водой. Остальные дни — четверг и пятница — про-
водились также без пищи. Для больных разрешается хлеб с водой. А
тяжелобольным ("изнемогшим зело") допускается по захождении солнца
вкушать пищу ежедневно. В остальные недели пять дней инокам пред-
писывалось сухоядение, а в понедельник, среду и пятницу всех недель
пост был еще строже. На Страстной седмице и миряне, и иноки могли
лишь есть хлеб, "зелие неварено" и пить воду с воздержанием. В Великий
Четверг разрешается вареная пища, но без масла. В Великий Пяток
предписывалось проводить без пищи, а в Великую Субботу — поститься
до 9 часов вечера, после чего разрешалось вкушать хлеб. В субботы и
воскресенья мирянам, так же как и инокам, следовало руководствоваться
рассуждением своего духовного отца.

Если рассматривать период действия Иерусалимского устава на Руси
со времени митрополита Киприана (XIV в.), можно увидеть, что суровые
его предписания относительно Великого поста не сразу воспринимались
даже иноками. Преемник Киприана митрополит Фотий (XV в.) своим
циркуляром сделал некоторые послабления. Он разрешил во время поста
вкушать рыбу, кроме двух вышеуказанных праздников, еще в субботы и
воскресные дни, обосновывая свое мнение Студийским уставом, но в
остальные дни он предписывал сухоядение. В "Домострое", который
составлялся с XV и до середины XVI века, тоже наблюдается совмещение
двух уставов. Автор "Домостроя" дает подробные указания относительно
пищи в Великий пост. Например, в Феодорову неделю (первая неделя
поста) полагалось сухоядение, как и в Страстную. По воскресеньям и
субботам разрешалась рыба. Но наиболее благочестивые, "подвижные
люди к Богу" не ели свежей рыбы, а только соленую, свежую же
вкушали только в праздник Благовещения и в Вербное воскресенье. В
XVI и XVII столетиях строгость соблюдения поста на Руси значительно
усилилась.

В XVII веке эта строгость вошла в русское общество так прочно,
что стала как бы составной частью самой религиозной жизни народа.

Даже иностранцы поражались таким строгим соблюдением поста русскими людьми. Так, Герберштейн пишет, что среди русских "некоторые принимают пищу в воскресенье и в субботу, а в остальные дни воздерживаются от всякой пищи, другие принимают пищу в воскресенье, вторник, четверг и субботу. Также весьма многие довольствуются куском хлеба с водой в понедельник, среду и пятницу"¹⁸. Как свидетельствует один из арабских путешественников, благочестивые русские люди в первые дни Великого поста без нужды не выходили из своих домов. Царь Алексей Михайлович, царица и их взрослые дети не принимали пищи в первые три дня поста. Они не только усердно посещали церковные службы, но и не опускали домашнее молитвенное правило. Только в среду после литургии Преждеосвященных Даров царь вкушал сладкий компот и рассылал его боярам¹⁹. С четверга до субботы он снова оставался без пищи, а в субботу причащался Святых Христовых Тайн. На первой неделе царь никуда не выходил из дома и никого не принимал. Подобным образом проводили первую неделю и вельможи. В течение всего поста, кроме праздника Благовещения, царь ел без масла капусту, грибы и ягоды. По воскресеньям, вторникам, четвергам и субботам он ел однажды в день и пил квас. В остальные три дня недели он совсем не вкушал пищи, за исключением каких-либо торжеств.

На первой неделе Великого поста шумная русская столица словно засыпала. Никто без нужды не появлялся на улице. Магазины в первые три дня были закрыты. Все жители не производили ни продажи, ни купли, но неопустительно присутствовали за богослужением, носили простую одежду. Все питейные заведения были закрыты вплоть до пасхальной среды. Страстная седмица, как было отмечено выше, проводилась еще строже. Некоторые наиболее ревностные христиане во весь пост не вкушали ничего приготовленного на огне, довольствуясь сухоядением, другие принимали пищу только на закате солнца. Родители заставляли поститься даже младенцев. По русской традиции, младенец мог питаться от груди матери только "два говенья", то есть менее года, после чего и он обязан был соблюдать посты. По свидетельству иностранцев, младенцев на Руси заставляли исполнять посты с двухлетнего возраста. Но если ребенок был слабый, то за него, согласно церковным постановлениям, постилась мать.

О строгости соблюдения Великого поста на Руси архидиакон Павел Алеппский, посетивший Москву с Макарием, патриархом Антиохийским, при патриархе Никоне, писал следующее: "В этот пост мы переносили с ним большие мучения, подражая им против воли, особенно в еде: мы не находили иной пищи, кроме размазни, похожей на вареный горох и бобы, ибо в этот пост вообще совсем не едят масла. По этой причине мы испытывали неопишемую муку... Как часто мы вздыхали и горевали по кушаньям нашей родины и заклинали, чтоб никто впредь (в Сирии) не жаловался на пост"²⁰.

Православный русский народ с большой любовью нес подвиг поста. Ему гораздо труднее было воздержаться от спиртных напитков. И для того, чтобы предотвратить пьянство и разгул во время Великого поста, в начале поста стрельцы, по повелению царя, опечатывали все питейные дома, и они оставались закрытыми до истечения пасхальной среды. "Равным образом и в течение всего года питейные дома обыкновенно остаются закрытыми от кануна воскресенья до утра понедельника, так

же делается во время больших праздников²¹. Духовенство оказывало всемерную помощь в борьбе с этим народным пороком. "Кто не хочет поститься и ест рыбу и упивается вином, — говорят Г. К. Катошихин, — тех смиряют и отлучают власти и поны от церкви Божии и возлагают спитими"²².

Кроме воздержания в пище и питии, уставом предусматривалась во время поста усиленная молитва с поклонами. Так, по Студийскому уставу, полагалось ежедневно 240 земных поклонов: во время чтения часов и свечечных молитв — 60, на вечерне — 100 и на утрени — 80. Однако следует отметить, что в русских уставных статьях о поклонах имелось несколько предписаний, но в большинстве из них указывалось по 300, иногда по 400 ежедневных поклонов. В некоторых статьях давалось разъяснение о поклонах. Так, например, предписывались поклоны большие и средние. Большие совершались головой до земли или на "коленицах", средние — в пояс. Они же назывались еще поясными и полагались только по субботам, воскресеньям и праздничным дням, когда уставом предписывалось некоторое послабление в пище. Вообще поклоны были неотъемлемой частью как церковной, так и домашней молитвы православного русского человека. В подтверждение этого достаточно привести лишь свидетельство Павла Алеппского, присутствовавшего в одном московском храме в 1656 г., в среду 5-й седмицы поста во время чтения Великого канона преп. Андрея Критского, что все молящиеся положили более тысячи земных поклонов, не считая поклонов до и после канона²³. Когда патриарх Никон хотел заменить земные поклоны на малые при совершении молитвы св. Ефрема Сирина и некоторых частных богослужений, то народ и духовенство возмутились и обвинили его в ереси и произволе, ссылаясь на преп. Никона Черногорца и св. Иоанна Дамаскина, осуждавших "непоклонническую ересь". По учению этих святых отцов, поклоны, как и пост, имели ту же задачу — "томить плоть свою, да не воюет на дух". В "Истории о отцах и страдальцах Соловецких"²⁴ есть рассказ об одном подвижнике, который на исповеди перед смертью открыл духовнику, что келейное правило он совершил вперед на 30 лет, то есть положил бесчисленное число поклонов и прочитал сотни тысяч молитв. И этот случай не единичный. Так, преподобный Иосиф Волоколамский предписывал своим духовным детям делать в свободное время запас молитв и поклонов на будущее: "Аще ли день случится покоен, ино и на иной день вперед правила запаста лъзя"²⁵.

Относительно так называемых малых постов (Петрова, Филиппова и Успенского) сохранилось значительно меньше предписаний.

В уставах древней Русской Церкви до XIV века упоминалось лишь три поста и предписывалось христианину причащаться трижды в год: в Великий пост, в Петров и Филиппов, которые св. Иоанн Златоуст в слове о Великом посте и Апостольском называет тремя светилами: "сими тремя очищаются человецы от греха покаянием и милостынею"²⁶. В древности обычай причащаться в эти посты соблюдался очень строго, о чем в одном древнерусском поучении говорится: "Аще перей переходит пост не причастившись, то яко и скотина есть... Также кто от простых человек, аще кто не причащается трижды от года до года, то всеу нарицается хрестьянин". "О человеце, — говорит другой проповедник, — не мози плоти угожати святыни лишатися, аще бо хрестьянин (христиа-

нин. — А. И.) трижды летом не причащается, таковой скотски живет — о душе не радят".

Успенский пост древние уставы обходят молчанием, по-видимому, по той причине, что в Константинополе, по словам Феодора Вальсамона, до середины XII века об этом посте не было никаких указаний. Вероятно, по этой же причине и на Руси в церковном уставе того времени Успенский пост не значился. Лишь на Константинопольском соборе 1166 г. было постановлено поститься две недели перед праздником Успения²⁷. Но в славянских типиках предписания относительно Успенского поста появляются только в XIV—XV веках. На Руси самые древние упоминания об Успенском посте мы находим в правиле митрополита Максима (1283—1305)²⁸. В летописях и других памятниках "Госпожино", или "Богородицино говенье" упоминается только в первой половине XIV века. Таким образом, с этого времени в Русской Церкви начинают соблюдать четыре поста, и церковные власти стали предписывать христианам говенье четыре раза в год. Митрополит Фотий в своем пастырском послании (ранее 1431 г.) перечисляет уже четыре поста: "Великий первоначальный пост", Успенский, как преданный апостолами, наконец, как установленные богоносными отцами, посты Рождественский и Апостольский. "И в спасительных тех временах, — продолжает митрополит, — всяк христианин да припадает к Богу и покаянием чистым приришущи (то есть прибегающе) к вам, духовным отцам, паче же к могущим вам, к искусным врачам, язву всякую обнажающих врачевати"²⁹.

Говеть четыре раза в году призывает христиан в своих наставлениях и патриарх Адриан (1694 г.)³⁰; то же повторяет и Анастасий, архиепископ Холмогорский, в своем пастырском послании (1696 г.)³¹.

Студийский устав о пище в малые посты был снисходителен. В Петров пост было положено есть дважды и по два блюда, вина по две чаши на обед и на ужин; в Филиппов пост полагалось есть однажды, но пить три чаши. В праздники, воскресенья и субботы с благословения игумена разрешались уставом рыба, два варева с маслом (или второе без масла), есть дважды, пить три чаши за обедом, две за ужином. Предписания Иерусалимского устава несравненно строже. Так, например, в Петров пост по понедельникам, средам и пятницам разрешалось только сухоядение; по вторникам и четвергам в девятом часу — одно горячее блюдо без масла, другое — сухоядение. В субботы и воскресенья позволялось масло, но относительно вкушения рыбы нет упоминания.

В период Студийского устава русские уставные статьи в Петров пост предписывали (понедельник, среду, пяток) проводить без рыбы и вина (даже без варева) и есть однажды "хлеб с овощем" или "горох с яглы" и вишни; рабочим людям разрешалось есть дважды. В остальные дни седмицы разрешались рыба и вино (одна чаша). Филиппов пост проводили так же, как и Петров. В сочельники Рождественский и Крещенский дозволялось вкушать хлеб, капусту и рыбу. Малым детям и больным разрешалось молоко, кроме понедельника, среды и пятницы.

Русские уставные статьи относительно малых постов по своему содержанию ближе к Студийскому уставу. Так, в Петров и Филиппов посты в субботу и воскресенье инокам разрешались рыба, вино и масло. Во вторник и четверг дозволялось вино и масло³². В Филиппов пост, начиная с Николина дня, а в Петров за две недели до Петрова дня рыба инокам воспрещалась³³.

Успенский пост, по предписанию русских статей устава, проводился как Петров и Филиппов. Но с XV века он приобретает более строгий характер. Сведения об этом содержатся в "Домострое", где говорится, что благочестивые люди не едят в "Госпожино говенье" свежей рыбы, кроме Преображения, а едят сушеную, не пекут пирогов. Были и такие, которые вовсе не ели рыбы этим постом. Таким образом, Успенский пост своим уставом о пище приближался к Великому.

В Древней Руси Петрову посту, как и Великому, предшествовала своего рода масленица — "праздник русалки". Следует отметить, что народные увеселения в малые посты не прекращались вовсе. В грамоте царя Алексея Михайловича Шуйскому, воеводе Змееву, говорится, что совершаются в "посты игрецы бесовския — скоморохи с дудами и с медведи ходят"³⁴.

Тем не менее в XVII веке пост наряду с молитвой занимал важнейшее место в жизни русских людей: даже в непостные периоды постились ежедневно до 2—3 часов дня, строго соблюдали среды и пятницы, нередко добавляли к этому еще личные посты. По свидетельству Павла Алеппского, русские "все — от вельмож"³⁵ до бедняков — прибавляли к тому, что содержится в постановлениях Типикона, ...пост ежедневный до 9 часа или выхода от обедни"³⁶. Об этом также упоминает в описании своего путешествия в Россию один из приближенных австрийского императора Максимилиана И. Кобенцель: "А князь Димитрий, главнейший из моих провожатых, не иначе садился за обед, как по отслушании обедни"³⁷.

Во время бедствий первым единодушным стремлением православных было обращение к покаянию, молитве и посту. В 1654 г., когда началась "моровая язва", к бывшему тогда в Коломне патриарху Александрийскому Макарию явились знатные горожане с просьбой благословить им строгий пост в течение недели. Но патриарх благословил только на три дня. "Воевода издал приказ, чтобы в течение трех дней не резали скот и не открывали питейных домов... Все постились в течение этих трех дней строго, не вкушая ничего до 9-го часа и стремились к службам церковным с полным благоговением и страхом, даже и маленькие дети"³⁸. "В несчастье они тверды духом, — пишет в своем "Сказании" Я. Рейтенфельс, — не поддаются скорби, а к счастью равнодушны, ...что бы ни случилось, утешают себя словами: "так Богу угодно, Он так все устроит к лучшему"³⁹.

Таково было отношение русских к посту.

Наивысшим подвигом во время поста считалось милосердие к ближним. Каждому христианину вменялось Церковью проявлять постоянную заботу о своих меньших братьях, находящихся в бедности. "Убогия помилуйте, — говорит древнее поучение о посте, — нищих и немощных и на улицах лежащих и сидящих посещайте, сущая же в темницы и беде милуйте и утешайте, нагия одевайте"⁴⁰. Милостыня бедным в Древней Руси рассматривалась как необходимая спутница говенья, придающая ему нравственную ценность. "Аще кто постится не творя милостыни, то не успевает ничтоже". "Пост на небо ведет человека, а милостыня в царство вселяет". "Милостыня бо совокуплена с пощением от смерти избавляет человеки, рекше вечныя муки"⁴¹. Святитель Иоанн Златоуст в "Слове о посте и милостыни" поучает: "Кая потреба малоядением тело свое изсушати, а не накормляти алчных излишним? Кая добродетель в нощи не

спя, в тепле храма молиться, а обижены тобою и поработаны, босы и наги, ранены и гладны на тя со слезами к Богу возопиют? Кая помощь в такового молении, аще всю ночь моляся? — Не приятно есть⁴². Митрополит Киевский Никифор в поучении в Неделю мясопустную, объясняя великопостную церковную песнь "Да исправится молитва моя", говорит: "Слышите... аще помиловасте нища, аще неси отымал у сирот, аще неси возвел руку на сироту безвинну, аще неси слезами окроплен и кровию неповинных, то воздежи рuce, плаголя: воздеяние руку моею"⁴³.

В Древней Руси бытовал еще и такой обычай — перед постом выпускать на волю птиц в надежде, что и Бог точно так же освободит от прегрешений. Многие знатные люди в дни поста считали необходимым находиться в мире и прощать всем обиды. Так, например, Киевский князь Владимир Мономах, воюя с Муромским князем Глебом, согласился на его просьбу о мире. "Владимир же сжалился тем, еже проливашеся кровь в дни Великого поста, и вдаст ему мир"⁴⁴. Войско казачье набрало оружия в период всего Великого поста.

"Русские отличаются беспримерною благотворительностью по отношению к бедным, для их просьб у них всегда открыты уши и раскаты руки, так что в Москве можно видеть, как целые толпы нищих получают около домов богатых людей пищу"⁴⁵.

В XVII в. Павел Алеппский отмечал, что в Москве мало бедных, просящих милостыню, так как было "много домов для помещения их и ежедневная выдача потребного для жизни"⁴⁶. Кроме того, бедные были распределены по разрядным спискам между боярами для получения ежедневного пропитания.

Особое внимание древние проповедники уделяли принятию Святых Тайн, они увещевали верующих причащаться как можно чаще, чтобы не дать дьяволу доступа к душе⁴⁷. В непостные периоды приготовление к принятию Святых Тайн должно было продолжаться одну неделю. Но как более строгим временем приготовления считались посты, по окончании которых верующие приступали к причастию, очистив себя таинством Покаяния от всякой греховной скверны. В Древней Руси (как и во всех восточных Церквях) был обычай причащаться Христовых Тайн именно в конце Великого поста, о чем свидетельствуют писатели XVI—XVII вв. Так, например, немецкий дипломат С. Герберштейн в своих "Записках о московитских делах" говорит, что русские христиане "исповеваются около праздника Пасхи с великим благоговением и сокрушением сердца"⁴⁸. Павел Алеппский днем исповеди называет Великий Четверг, а Олсарий — Великую Пятницу. Однако в последующее время разрешалось причащаться и в другие недели поста, и притом в каждом приходе дни исповеди устанавливались священнослужителями. В 1704 г. И. Т. Посошков писал митрополиту Стефану Яворскому: "А когда станет во время поста пресвитер детей своих духовных исповедовать, то ради совершенного управления не во един бы день всех исповедовал, но хотя бы по 10 человек на день, токмо б со всяким испытанием"⁴⁹.

Исторические документы свидетельствуют, что благочестивые и богобоязненные христиане приобщались Святых Тайн каждую неделю Великого поста. Таковыми, согласно одной из древних летописей, были великие князья Ростислав Мстиславич (1168 г.) и св. Димитрий Донской (1389 г.)⁵⁰. Во многих местах Древней Руси был обычай причащать верующих и в самый день Святой Пасхи — не только взрослых, но и детей.

Что касается малых постов, то христиане Древней Руси причащались в самый день праздника: Петров день, Рождество Христово и Успение Божией Матери.

Церковный устав в Древней Руси строго предписывал соблюдение чистоты супружеской жизни. Особое воздержание соблюдалось в Великом посту и перед причащением Святы́х Тайн, согласно слову апостола Павла, советовавшего супругам иметь воздержание по взаимному согласию во время поста и молитвы (1 Кор. 7, 4—6). Вопрос о сроке воздержания супругов перед причащением и после него решался духовным отцом в зависимости от их внутреннего состояния.

* * *

По церковным правилам того времени за тяжкие грехи на кающихся налагались епитимии, которые служили не средством наказания, а духовным врачевством, причем находившиеся под епитимией не имели права причащаться Святы́х Тайн до истечения ее срока; вместо святого Причастия дозволялось принимать святую богоявленскую воду с антидором.

Епитимии были тайные и публичные. Тайные епитимии предполагали воздержание от некоторых родов пищи (мяса, молока, меда), а также удаление на время от святыни и исполнение предписанных поклонов и молитв. Сроки таких епитимий были указаны в так называемых епитимийниках. Христианам, подвергшимся публичной епитимии, разрешалось древним уставом стоять в церкви только до литургии верных, а затем они выходили в притвор и стояли там до конца службы. Однако за вечерним и утренним богослужением им позволялось стоять в самой церкви. Эти епитимии в какой-то мере напоминали собой о покаянной дисциплине древней христианской Церкви. Так, например, Поместный собор русских епископов 1554 г. за "зломудрствование о святых иконах" наложил на дьяка И. Висковатого трехлетнюю епитимию: весь первый год он должен был плакать, стоя вне церковных дверей, и исповедовать свой грех пред всеми входящими в храм; в течение второго года — присутствовать в храме до литургии верных; на третий год — стоять в храме с верными, но без права приобщаться Святы́х Тайн. Только по исполнении этой епитимии ему разрешили причаститься.

Кроме того, публичное покаяние соединялось и с тайной епитимией, как-то: пост, молитва, плач и коленопреклонение до конца жизни. Такую, например, епитимию Собор 1575 г. наложил на царя Ивана Грозного за его четвертый брак. Протопоп Аввакум, впоследствии ставший раскольническим учителем, наложил подобную семилетнюю епитимию на свою духовную дочь Елену, которая разлучила жену с мужем и убила ребенка. Такие случаи наложения публичной епитимии были не редкостью, что неоднократно подтверждается и иностранными писателями.

Следует отметить, что публичная епитимия носила очень тяжелый характер. Грешник обязан был ежедневно посещать храм и оставаться за его дверями до окончания богослужения. Кроме того, ему запрещалось причащаться Святы́х Тайн до конца епитимии, за исключением случая смертной опасности. Он лишался также антидора и святой просфоры. В поучении новопоставленному иерее епископ говорит: "Непокорнии в

грехи впадающая от Церкви отлучи, от себе отжени, дондеже обратится к тебе. А от иного попа отгнанного ты не приими, примет ли кто такового, мне возвести"⁵¹. Находившиеся под публичной епитимией не только не имели права делать приношения в церковь, но и отлучались от христианского общества. Церковные предписания запрещали духовному отцу входить в дома отлученных, присутствовать с ними на пиршествах и даже в одном доме. Кроме того, на исповедь не допускались те из христиан, которые не давали своего согласия отстать от греха. Но великого грешника, давшего обещание исправиться и обнаружившего покорность духовному отцу и желание исполнять его советы и заповеди, последний обязан был исповедовать.

Были еще публичные епитимии, так называемые сорокадневные. Этим епитимиям подвергались христиане, которые долгие годы не соблюдали поста и не были на исповеди. Публичным епитимиям подвергались лица инославного вероисповедания, перешедшие в Православие, или бывшие сектанты. Так, архиепископ Новгородский Геннадий (XV в.) присудил к стоянию вне церкви жидовствующих, принесших покаяние⁵².

Лица, занимавшиеся волшебством или имевшие суеверные привычки, не только отлучались от храма, но и лишались права приношения. Разбой, убийство детей, кулачные бои, незаконные сожителства, незаконные браки (даже третий), развод, грехи против седьмой заповеди, воровство и мятежи — все это наказывалось публичной епитимией разной продолжительности.

Отличительной особенностью духовной жизни русского народа было благочестие, глубоко поражавшее иностранцев. В разные периоды это отмечали многие иностранные писатели. Например, в 1523 г. католик Альберт Кампензе писал папе Клименту XII о вере и нравах москвитян: "Они лучше нас (т. е. католиков) следуют учению Евангельскому... Причащаются весьма часто (почти всякий раз, когда собираются в церковь)... В церквях не заметно ничего неблагопристойного или бесчинного; напротив того, все, преклонив колена и простершись ниц, молятся с искренним усердием... Обмануть друг друга почитается у них ужасным, гнусным преступлением, прелюбодеяние, насилие весьма редки, противосъестественные пороки совершенно неизвестны, о клятвопреступлении и богохульстве вовсе не слышно. Вообще они глубоко почитают Бога и святых Его"⁵³.

Но особенно ярко и подробно описана благочестивая жизнь русского народа в XVII веке в "Путешествии" Павла Алеппского, который дивился на "порядки в русских церквях, неуклонные посещения служб церковных". "Люди, — пишет он, — стоят от начала службы до конца неподвижно, как камни, непрерывно кладут земные поклоны и все вместе, как бы из одних уст поют молитвы"⁵⁴.

В Древней Руси строгий богослужебный устав соблюдался не только в монастырях, но и во всех приходских церквях. Духовным идеалом людей того времени был монах — подвижник, всецело посвятивший себя служению Богу. Поэтому монастырский устав и определял всю жизнь русских людей. Отличие мирян (от монахов) состояло лишь в том, что они могли вступать в брак и заниматься мирскими делами, во всем же остальном должны были подражать монахам.

И в домашнем быту, и в общественной жизни чувствовался монастырский уклад. "У всякого в доме, — писал Павел Алеппский, — имеется

бесчисленное множество икон, украшенных драгоценностями... ибо любовь их к иконам и вера весьма велики. Они зажигают перед каждой иконой по свечке утром и вечером, знатные же люди зажигают особые светильники... русские привыкли молиться непременно перед иконой, устремив на нее взор, то есть действительно преклоняться перед ней⁵⁵. Они отличались такой любовью к иконам, что не смотрели "на красоту изображения", а глубоко почитали любую икону, даже если это было простое изображение на бумаге или детский рисунок⁵⁶. Кроме образов святых, во всей Московии нельзя было видеть других изображений⁵⁷.

Образ жизни москвитян никогда не нарушал правил умеренности⁵⁸. Больше всего антиохийские гости дивились чрезвычайной скромности русских, смирению перед бедными и их частым молениям. "Каждый раз, когда они увидят издали кресты церквей, то обращаются к каждой из них и молятся, делая по три поклона"⁵⁹. Всего в Москве во время Павла Алеппского было более 4 тысяч храмов, а престолов было более 10 тысяч. Все бояре, знатные люди, купцы имели свои домовые храмы.

Вышеупомянутый И. Кобенцель писал: "Москвитяне в делах веры более нас преданы обрядам: перед монастырями, церковью, изображением Святого Креста они никогда не забывают трижды перекреститься и произнести: "Господи, помилуй". Приближаясь к церкви, в которой совершалось богослужение, они никогда не проходили мимо, но входили и слушали обедню... Во всех делах своих москвитяне весьма религиозны, не выходят из дома, не сотворив трех поклонов, не оградив себя крестом и не произнеся трижды: "Господи, помилуй". Они и в разговор вступают не прежде, как совершив все это"⁶⁰. О том же пишет и Р. Бароерини⁶¹.

С большим благоговением совершался русскими людьми и вход в храм Божий. Входя, они полагали несколько земных поклонов, кланялись на все стороны тем, кто уже был в храме. "Что касается их крестного знамения, то ...оно совершается ударом пальцев о чело, перси и плечи... так же поступают их дети, ибо вскормлены молоком веры и благочестия. Как они умеют, будучи маленькими, творить такое крестное знамение?! Как умеют кланяться присутствующим?! А мы не умели креститься подобно им, за что они насмехались над нами, говоря: "Почему вы проводите караули на груди, а не ударяете пальцами о чело и плечи, как мы?" Мы радовались за них. Какая это благословенная страна, чисто православная!"⁶².

Особым почтением и уважением пользовалось у русских людей духовенство. Перед архиереем воеводы стояли с непокрытой головой, не смея сесть даже по приглашению. Так же почтительно относился народ и к простым сельским священникам. Всеобщее уважение к духовенству у русских основывалось не только на почитании сана как такового, но и на действительной духовности и нравственной высоте священников. Именно духовность русских священников была одним из источников, питавших и укреплявших веру Христову в сердцах людей.

С особым благоговением вело себя духовенство за богослужением. "В этой стране обедня совершается с полным благоговением, страхом и уважением к святыне..."⁶³ — писал Павел Алеппский. Русские священники в буквальном смысле слова полагали души "за други своя". Во время моровой язвы, когда множество жителей городов и сел бежало, пытаясь спастись от страшной смерти, все священнослужители оставались в своих приходах. Не было ни одного случая, чтобы кто-нибудь из них

пытался уехать. Не обращая внимания на смертельную опасность, русские пастыри исполняли дело Божие, обходили крестным ходом с мощами и иконами вокруг селений, усиленно молились, делали все, чтобы спасти от гибели своих пасомых.

Большим грехом у русских считалась гордость. "Гордость им совершенно чужда, и гордецов они в высшей степени ненавидят"⁶⁴, — пишет Павел Алеппский.

В обществе православные люди вели себя со всяким смирением и взаимной почитательностью. "При входе в дом, — пишет Я. Рейтенфельс, — русский... осеняет себя крестным знамением, приветствует присутствующих, сколько бы их в доме ни было, кланяясь головой каждому особо, и только после этого начинает говорить"⁶⁵. Что касается других грехов и пороков, то их русские христиане всячески старались искоренить и загладить добродетелями. "Подлинно это народ христианский и чрезвычайно набожен!"⁶⁶ — восклицает Павел Алеппский.

Перед смертью русские обычно причащались и принимали монашеский постриг. "Так делали не только старики, но и юноши, молодые женщины, завещая свое имущество монастырям и церквам... Творец даровал русским царство, которого они достойны за то, что все заботы их — духовные, а не телесные. Таковы они все"⁶⁷.

Павел Алеппский неоднократно подчеркивает, что часто и в мирской обстановке "им (русским) казалось, что они в монастыре"⁶⁸. И хотя для него самого это было непривычно и трудно (он называет Россию "вратами борьбы, пота, трудов и пощения"⁶⁹), Павел справедливо отмечает, что монастырский уклад жизни не был чем-то извне насаждаемым, а, наоборот, вытекал из внутренней, сердечной потребности глубоко верующего русского народа. Внешняя строгость была лишь проявлением сосредоточенности на внутренней, "невидимой" брани, стремления очистить себя от всякой нечистоты для единения с Богом. Поэтому и в рамках строгого уклада жизни русские люди чувствовали себя естественно, свободно и просто. Описывая праздники, особенно рождественские, Павел Алеппский подчеркивает необыкновенную жизнерадостность, оптимизм русских. Его удивляет их "острый природный ум", духовная образованность, гостеприимство и радушие. В то же время он подчеркивает чрезвычайную сдержанность русских по отношению к иностранцам. Это объяснялось тем, что они с большой ревностью берегли духовный строй своей жизни, бдительно ограждая себя от чуждых влияний. Даже православных священнослужителей и монахов из-за рубежа принимали на Руси только как спутников какого-либо архиерея либо тех, кто изъявлял желание остаться на Руси навсегда, чтобы молиться за царя, но в любом случае за ними вели строгое наблюдение, желая убедиться в их подлинной православности: "упражняются ли они непрестанно в смирении, молчании, посте и молитве"⁷⁰, или бесчинствуют и ленятся. Для исправления всех нерадивых отправляли в дальние монастыри, а "за курение табака", как свидетельствует Павел Алеппский, предавали даже смерти⁷¹. В виде исключения, по словам того же Павла Алеппского, спутников митрополита Мирликийских — "архимандрита ...мнимых родственников и дьякона за курение табака немедленно сослали в заточение"⁷².

Греческих купцов на Руси совсем не пускали в церковь, считая, что они осквернились от турок. Если кто-либо из них хотел остаться на

Руси навсегда, то его ставили в положение оглашенного (40 дней пребывал вне церкви), затем помазывали миром, читали над ним молитвы и только после этого принимали в церковное общение. А. Мейерберг замечает, что "москвитяне запрещают людям иноземной веры входить в свои церкви..."⁷³.

По отношению к иностранцам инославного вероисповедания порядки были гораздо строже. Зарубежным купцам разрешали только торговать, но какое-либо духовное общение русских с ними было строго запрещено. "В деле веры они (русские) держат себя весьма далеко от иностранцев, чему мы видели с их стороны удивительные примеры"⁷⁴, — замечает Павел Алеппский. Он же повествует, как патриарх Никон, "в высшей степени ненавидящий еретиков, выселил... франкских купцов из немцев, шведов и англичан"⁷⁵ за пределы Москвы, так как однажды франки, пришедшие смотреть крестный ход, "не сняли шапок и не поклонились иконам и крестам"⁷⁶. Поэтому "все купцы... даже персидские, живут в страхе Божиим и смирении"⁷⁷.

Весьма осторожным было и отношение русских к иноверцам, желавшим принять крещение. Их сначала 40 дней содержали в каком-либо монастыре, обучали истинам православной веры, а затем крестили. После этого их принимали в общение с большой любовью и не отличали от своих⁷⁸.

В своих записках Павел Алеппский отмечает, что Антиохийский патриарх Макарий и его спутники остались самого высокого мнения о русском благочестии и устроении церковной жизни. Патриарх даже сказал: "Все эти благочестивые обычаи существовали прежде и у нас (в Антиохии), но мы их утратили, они перешли к этому народу и принесли у него плоды, коими он превзошел нас"⁷⁹.

Но такое истинно православное отношение к жизни сформировалось у русского народа постепенно, в результате длительного влияния церковной дисциплины на общество, преодоление и искоренение в нем пагубных привычек. Литературные источники XI—XVII веков показывают, что некоторые христиане Древней Руси, не соблюдавшие должным образом устав о посте, отрицательно влияли на церковную жизнь всех слоев общества. В правиле митрополита Иоанна II (конец XI в.) сказано, что некоторые новообращенные христиане Южной Руси не причащаются ни одного раза в год, что на ее окраинах в Великий пост едят даже мясо. Поэтому митрополит признает новообращенных христиан чуждыми Христовой веры⁸⁰.

Известен также факт, когда во второй половине XII в. новгородские христиане после первой недели Великого поста выпрашивали послабления у своих духовников, которые, не имея на это права, разрешали по вторникам и четвергам есть дважды в день. Новгородский архиепископ Илия (XII в.) этот поступок священнослужителей не одобрял и признавал нарушением устава. Он позволял такое послабление только малолетним и больным⁸¹.

В XIII в. духовенство уже строже относилось к посту. Однако некоторые верующие еще тяготились строгостью устава и подчас нерадиво проводили пост, как пишет церковный проповедник того времени: "Но нам бо, аще придет пост... печалуем, скорбим, страдно творим говенья и се помышляем на сердцах своих, какой приити пост, не хотяще отстати злб своих"⁸².

При всем усердии русских христиан к церковным установлениям были среди них и уклонявшиеся от исповеди и причащения в указанные посты или небрежно исполнявшие долг исповеди и приступавшие без надлежащего приготовления к причащению. В одном из поучений XIII в. проповедник призывает христиан, не желавших говеть каждый пост, к исправлению следующими словами: "Ей убо молю вы, не погубим себе безстудием, но с страхом и чистою совестью приемлем многажды тело Христово, многи бо вижу верныи не часто причащающесе, се бо диаволе бо есте дело: то претит, дабы не часто Тело Христово принимали, токмо в Великий пост единости"⁸³.

Митрополит Петр (XIV в.) в своих наставлениях призывает христиан духовно ополчаться против "недароимцев", то есть проводивших порочную жизнь и не желавших причащаться Святых Тайн, и обличал тех, кто Великим постом пировал и вел разгульную жизнь⁸⁴.

Особо яростными противниками богослужебного устава и церковных обычаев выступали еретики. Таковыми были, например, стригольники, которые отрицали не только посты, но и церковную иерархию, а в XV—XVI вв. большую опасность для Русской Церкви представляли собой жидовствующие, которые полностью отрицали христианство, хотя притворно исповедовались они у своих главарей по форме христианской исповеди, что способствовало пропаганде их ложного учения. Идеологи этого учения — Матвей Башкин и Феодосий Косой — добивались поставления в священники тех, кто прошал бы все грехи, не накладывая на кающихся никакой спитимии.

Под влиянием языческих суеверий, как видно из правила митрополита Иоанна II, христиане не всегда приходили с должным благоговением к таинству Покаяния. Поэтому в душе таких людей появлялась пустота и хаос в духовной жизни. Митрополит Фотий (XV в.) в своих поучениях отмечает, что многие христиане "живут без покаяния и отца духовного не держат"⁸⁵, а это приводит к духовному умерщвлению, упадку религиозного духа и распространению ересей.

Некоторые грешники, не хотевшие отстать от греховных привычек, избегали исповеди, думая, что Бог уже не примет их покаяния. Чтобы побудить таких к покаянию, многие епископы своими циркулярами предписывали пастырям Церкви, чтобы они даже не хоронили непокаявшихся. Митрополит Фотий предписывал священникам не брать приношений у некаявшихся христиан, а духовным детям внушать, чтобы те не только не ели с ними и не пили, но и не приглашали в свои дома и не ходили к ним.

Некоторые христиане считали, что причащение действует в человеке шесть недель, почему и грешно осквернять себя невоздержанием лишь в продолжение этого времени. Вот почему они стремились говеть на первой неделе поста, чтобы не ограничивать себя в мясоед. Некоторые по этой причине вообще не причащались Христовых Тайн. В некоторых местах иерархи предписывали священникам таких христиан "...и в церковь их не пущать, то ходят пси. Но пес господина своего стережет, а сей заповеди Спасовой не примает. Сей есть диавол, а не человек"⁸⁶.

Под действием языческих суеверий были случаи, когда "недароимцы" "лаяли" (ругали) своих духовников и даже били их. Неизвестный автор "Беседы Валаамских чудотворцев" (XVI в.) настаивает, чтобы царская власть на всероссийском земском соборе установила ежегодное говенье в

качестве обязательного закона для народа, так как "в волях своих не каются по вся годы, ниже послушают попов, да еще многих попов от места откажут"⁸⁷. Тот же автор призывает наказывать неговорящих христиан градскими казнями: "езде уставити царю своею царскою грозою, чтобы покаяться и говети по вся годы всякому везде мужеску полу и женску от двюнадесять лет; о том царю самому крепко печясь паствы своея о спасении мира всего"⁸⁸. Поэтому в 1659 г. царь Алексей Михайлович разослал повеление — дьякам, подьячим и детям боярским и всякого чина людям говеть на Страстной седмице⁸⁹. От воевод царь требовал, чтобы те понуждали ратных людей в походах исповедоваться и причащаться. Отправляя в поход против поляков свое войско, царь призвал всех на первой неделе Петрова поста обновиться покаянием и причащением Тела и Крови Христовой. Далее он сказал: "Второе вам приказываю: если в походах будете, не оставьте сей евангельской заповеди, елико сила ваша может. Аще сию Христову заповедь сохраните и обновитесь святым покаянием и приобщитесь бессмертной трапезе, то дерзостно реку вам: ей, ополчится ангел Господень окрест полка вашего. Третье приказываю вам: непослушников и силою приводить к святому покаянию. Полагаю весь полк ваш на вас боярах и воеводах; если хоть один человек нерадением вашим не обновится покаянием, то вы ответ дадите на Страшном суде Христовом". Тот же царь писал в Новгород воеводе князю Куракину: "А будет человек, который православной христианской веры не придет на покаяние в год, в который пост, паче же в Великий, той несть достоин нарещися истинным христианином, но всеу нарицает себя святым именем. И святии отцы иереем Христовым заповедаша не приняти у таковых никакого приношения в церковь Божию, не повелеша входить в церковь, недостойни бо суть входа церковного, яко иноверцы, не кающиеся грехов никогда, зде душами своими погибают во многих гресех, без покаяния живут"⁹⁰. Царским указом предписывалось о всех непослушных сообщать начальству и подвергать наказанию "без всякой пощады".

В 1646 г. патриарх Иосиф разослал окружное послание духовному чину, в котором говорилось, что "детей бы своих духовных духовные отцы и всех христиан в сей великий пост призывали к покаянию по вся недели, а без покаяния ни единая душа христианская не была"⁹¹. Такое же послание было направлено и в Новгородскую епархию; в нем предписывалось непокорных наказывать и даже ссылать "в монастыри под начал".

Возникновение раскола старообрядчества настойчиво побудило церковную иерархию и гражданское правительство вменить в обязанность всем христианам ежегодное говенье с исповедью, потому что одним из главных признаков принадлежности к расколу было нехождение на исповедь. Исповедь же и исправное говение были главными средствами предотвращения народа от раскола.

Из сказанного вытекают два вывода. Во-первых, говенье в Древней Руси понималось как процесс полного, всестороннего нравственного перерождения верующих. В этом процессе главное место отводилось посту, молитве, исповеди и причащению Святых Тайн. Во-вторых, Церковь и государственная власть в Древней Руси ревностно заботились о духовном совершенствовании народа и ступень за ступенью вели его к надлежащему пониманию и исполнению православных церковных установлений.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией, т. VI. СПб., 1880, с. 493—494.
- 2 Поучение Фотия митрополита Киевского и всея Руси о посте и молитве. — Православный собеседник, ч. III. Казань, 1860, с. 233.
- 3 *Архангельский А. С.* Творения отцов церкви в древнерусской письменности. Извлечения из рукописей и опыты историко-литературных изучений, т. IV. Казань, 1890, с. 56, 210, 215, 57.
- 4 Там же, с. 215—217.
- 5 Поучение митрополита Никифора в Неделю сыропустную. — В кн: *Макарий, митрополит.* История Русской церкви, т. II. СПб., 1889, с. 350.
- 6 Правило Апостол. 64; 6 Всел. собор прав. 55.
- 7 Там же.
- 8 *Макарий, митрополит.* Цит. соч., с. 111.
- 9 ПСРЛ, т. 25. М.-Л., 1949, с. 9.
- 10 Православный собеседник, ч. III. Казань, 1860, с. 231.
- 11 *Маржерет Ж.* Состояние Российской Державы и Великого Княжества Московского с 1590 по 1606 г. СПб., 1830, с. 25—26.
- 12 ПСРЛ, т. 25. М.-Л., 1949, с. 9.
- 13 Там же.
- 14 Описание славянских рукописей Московской синодальной библиотеки, отд. III. ч. I. 1869, с. 259—261.
- 15 Уставы о постах. — ЧОИДР, кн. 3, отд. II. М., 1912, с. 182; *Лопарев Х. М.* Послание митрополита Климента Смолятича пресвитеру Фоме. СПб., 1892.
- 16 Уставы о постах. Цит. соч., ч. 182.
- 17 Памятники старинной русской литературы, издаваемые графом Григорием Кушелевым-Безбородко, вып. IV. СПб., 1862, с. 186; Прибавления к изданию Творений святых отцов в русском переводе, ч. II. М., 1844, с. 84.
- 18 Библиотека иностранных писателей о России, т. II, отд. I, ч. I, 1847, с. 109.
- 19 Путешествие Антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века, описанное его сыном архидиаконом Павлом Алеппским. Изд. Московского университета, 1896—1900, вып. 3, с. 121.
- 20 Там же, вып. 3, с. 168.
- 21 Там же, с. 204.
- 22 *Котошихин Г. К.* О России в царствование Алексея Михайловича. СПб., 1840, с. 64.
- 23 Путешествие..., вып. 3, с. 168.
- 24 *Дружинин В. Г.* Писания русских старообрядцев. СПб., 1912, с. 135.
- 25 Послание преподобного Иосифа Волоколамского к детям духовным. — ЧОИДР, кн. 3, отд. II. М., 1912, с. 227.

26 Гальковский Н. Борьба христиан с остатками язычества в древней Руси, т. II. М., 1913, с. 232; Описание рукописей Соловецкого монастыря, находящегося в библиотеке Казанской духовной академии, ч. I. Казань, 1881, с. 584; Строев П. Рукописи славянские и российские, принадлежащие И. Н. Царскому. М., 1848, с. 736.

27 На этом же соборе было постановлено начинать Филиппов пост 14 ноября (см.: Курские епархиальные ведомости, № 46, 1907, с. 777).

28 Русская историческая библиотека..., т. VI. СПб., 1908, с. 140.

29 Православный собеседник, ч. III. Казань, 1860, с. 234—235.

30 Скворцов Г. А. Патриарх Адриан, его жизнь и труды в связи с состоянием русской церкви в последнее десятилетие XVII в. Казань, 1913, с. 174.

31 Верхожский В. Афанасий, архиепископ Холмогорский, его жизнь и труды. СПб., 1908, с. 132.

32 Курские епархиальные ведомости, № 47, 1907, с. 780.

33 В XVII веке распоряжением гражданской власти предписывалось всем христианам в Филиппов пост ходить каждый день в церковь (Указ царя Алексея Михайловича от 1650 г. — Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Академии наук, т. IV. СПб., 1836, с. 68; Курские епархиальные ведомости, № 47, 1907, с. 781).

34 Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией, т. IV. СПб., 1842, с. 124—125; т. III. СПб., 1841, с. 96.

35 Согласно наблюдению Павла Алеппского, обед знаменитого гетмана Богдана Хмельницкого состоял из одного блюда вареного укропа (Путешествие..., вып. 2, с. 37.)

36 Там же, с. 160.

37 ЖМНП, 1842, сент., отд. II, с. 133.

38 Путешествие..., вып. 2, с. 155.

39 Рейтенфельс Я. Сказание светлейшему герцогу Козьме третьему Тосканскому о Московии. М., 1905, с. 142.

40 Русская историческая библиотека..., т. VI. СПб., 1880, с. 162—163.

41 Гальковский Н. Борьба христиан с остатками язычества в древней Руси, т. II. М., 1913, с. 233; Русская историческая библиотека..., т. VI. СПб., 1880, с. 272.

42 Творения Иоанна Златоуста в древне-русских Измарагдах. — В кн.: Архангельский А. С. Цит. соч., с. 56.

43 Архангельский А. С. Цит. соч., с. 59—60.

44 ПСРЛ, т. 25, М.-Л., 1949, с. 19.

45 Рейтенфельс Я. Цит. соч., с. 142.

46 Путешествие..., вып. 3, с. 35.

47 Заповедь "Уставиша святини отцы". — ЧОИДР, кн. 3, отд. II. М., 1912, с. 156.

48 Библиотека иностранных писателей о России, т. II, отд. I, ч. I, 1847, с. 103.

49 Сочинения Ивана Посошкова. М., 1842, с. 311—312.

50 ПСРЛ, т. 25, М.-Л., 1949, с. 215.

- 51 Поучение новопоставленному иерею. — в кн.: Голубев С. Киевский митрополит Петр Могила и его сподвижники, т. II. Киев, 1898, с. 209.
- 52 Русская историческая библиотека..., т. VI. СПб., 1908, с. 768.
- 53 Библиотека иностранных писателей о России, т. I, отд. I, ч. I, СПб., 1836, с.33—34.
- 54 Путешествие..., вып. 2, с. 2.
- 55 Там же, с. 162.
- 56 Там же, вып. 3, с. 136.
- 57 Мейерберг А. Путешествие в Московию. — ЧОИДР, кн. 3, отд. IV. М., 1873, с. 51.
- 58 Там же, с. 35.
- 59 Путешествие..., вып. 3, с. 33.
- 60 ЖМНП, 1842, сент., ч. XXXV, отд. II, с. 132, 134.
- 61 Фалькович П. Картины жизни в Московском государстве. В извлечениях из записок иностранцев о России XVI—XVII вв. М., 1913, с. 98.
- 62 Путешествие..., вып. 2, с. 109.
- 63 Там же, вып. 2, с. 181.
- 64 Там же, с. 188.
- 65 Рейтенфельс Я. Цит. соч., с. 148.
- 66 Путешествие..., вып. 2, с. 170.
- 67 Путешествие..., вып. 3, с. 138.
- 68 Там же, с. 27.
- 69 Там же, вып. 2, с. 100.
- 70 Там же, с. 101.
- 71 Там же.
- 72 Там же, вып. 3, с. 56.
- 73 Мейерберг А. Цит. соч., с. 40.
- 74 Путешествие..., вып. 3, с. 18—19.
- 75 Там же, вып. 3, с. 78.
- 76 Там же.
- 77 Там же, с. 24.
- 78 Там же, с. 88.
- 79 Там же, с. 126.
- 80 Русская историческая библиотека, т. VI. СПб., 1908, с. 3—4.
- 81 Там же, с. 365.
- 82 Гальковский Н. Цит. соч., с. 156.
- 83 Лопарев Х. Описание рукописей любителей древней письменности, ч. 2. СПб., 1893, с. 300.
- 84 Памятники старинной русской литературы, издаваемые графом Григорием Куселевым-Безбородко, вып. IV. СПб., 1862, с. 186—187. Никольский Н. К. Материалы для истории древне-русской духовной письменности. — Христианское чтение. Авг. — сент. СПб., 1909, с. 1109, 1114—1115.
- 85 Послание митрополита Фотия в Псков об Агнцах. — В кн.: Макарий, митроп. Цит. соч., кн. I. СПб., 1866, с. 380.
- 86 Памятники старинной русской литературы, издаваемые графом Григорием Куселевым-Безбородко, вып. IV. СПб., 1862, с. 187.

⁸⁷ *Моисеева Г. Н.* "Валаамская беседа" — памятник русской публицистики середины XVI века. М.-Л., 1958, с. 175.

⁸⁸ Там же, с. 174.

⁸⁹ Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией, т. IV. СПб., 1842, с. 315—316.

⁹⁰ Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Академии наук, т. IV. СПб., 1836, с. 160—161.

⁹¹ Там же, с. 481.

10 апреля 1990 г.

